

11111

Annotation

«Прекрасная нивернезка» — единственное произведение Доде, написанное для детей. Первое его издание Доде посвятил своему младшему сыну: «Моему милому мальчику Люсьену Доде».

- [Альфонс Доде](#)
 - [I. НЕОБДУМАННЫЙ ПОСТУПОК](#)
 - [II. «ПРЕКРАСНАЯ НИВЕРНЕЗКА»](#)
 - [III. В ПУТИ](#)
 - [IV. ЖИЗНЬ СУРОВА](#)
 - [V. ЧЕСТОЛЮБИВЫЕ МЕЧТЫ МОЖАНДРА](#)
 - [VI. НОВАЯ НИВЕРНЕЗКА](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Альфонс Доде

Прекрасная нивернезка

I. НЕОБДУМАНЫЙ ПОСТУПОК

Улица Анфан-Руж в квартале Тампль.

Улица узкая, как сточная канава, ручейки загнившей воды, черные, грязные лужи, запахи плесени и помоев из зияющих подворотен.

По обе стороны — высокие дома с казарменными окнами без занавесок и с мутными стеклами, дома для поденщиков, мастеровых, строительных рабочих, дома-ночлежки.

В нижних этажах — лавки: колбасники, виноторговцы, продавцы каштанов, пекарни, мясная с лилово-желтым мясом.

На улице нет ни экипажей, ни нарядных дам, ни зевак на тротуарах, — одни разносчики, предлагающие лежалый товар Центрального рынка, да по временам из фабричных ворот толпой выходят рабочие со свернутыми замасленными блузами под мышкой.

Восьмое число — день, когда бедняки вносят квартирную плату, когда хозяева больше не желают ждать и выгоняют бедноту на улицу.

В этот день можно видеть, как на ручных тележках перевозят пожитки: железные кровати, колченогие столы, нагроможденные ножками вверх, рваные матрацы и кухонную посуду.

Ни клочка соломы, чтобы упаковать всю эту искалеченную, жалкую мебель, словно уставшую взбираться по грязным лестницам и скатываться с чердаков в подвалы!

Надвигается ночь.

Один за другим зажигаются газовые фонари, отражаясь в сточных канавах и окнах лавок.

Холодный туман.

Прохожие торопятся.

В уютном, жарко натопленном зале кабачка папаша Луво, нагнувшись над стойкой, чокается со столяром из Ла-Виллет.

Широкое лицо папаша Луво, лицо честного моряка, красное и изрезанное шрамами, расплывается от раскатистого смеха, и серьги трясутся у него в ушах.

— Значит, по рукам, папаша Дюбак? Вы покупаете у меня весь груз. Цена — какую я назначил!

— Идет.

— За ваше здоровье!

— За ваше!

Они чокаются, и папаша Луво, закинув голову, полузакрыв глаза, причмокивая языком и смакуя, пьет белое вино.

Что поделаешь! Кто без греха? А белое вино — слабость папаши Луво. Это не значит, что он пьяница, — боже сохрани! Его хозяйка, женщина с головой, не потерпела бы пьянства, — но коли ты судовщик и ноги твои в воде, а голова на солнце, то приходится иногда пропустить стаканчик.

И папаша Луво, становясь все веселее, улыбается блестящей цинковой стойке. Он видит ее, как в тумане, и она напоминает ему о столбике новеньких монет, которые завтра, продав лес, он положит себе в карман.

Последнее рукопожатие, последний стаканчик, и они расстаются.

— До завтра, стало быть?

— Можете на меня положиться.

Конечно, папаша Луво явится на это свидание. Сделка выгодная, он ловко провел ее и мешкать не будет.

И веселый судовщик вразвалку спускается к Сене, расталкивая парочки, радуясь, как школьник, получивший хорошую отметку.

Что-то скажет мамаша Луво, женщина с головой, когда узнает, что муж сразу же продал лес, да еще так удачно!

Еще две-три такие сделки, и можно будет купить новую баржу, распрощавшись с «Прекрасной нивернезкой», которая начала здорово протекать.

Не в обиду будь ей сказано, в дни своей молодости это была отличная баржа, но, увы, все портится, все стареет, и папаша Луво сам чувствует, что уже нет у него такого проворства, как в ту пору, когда он ходил подручным на плотях на Марне.

Но что там случилось?

У одной из дверей собираются кумушки, останавливаются, о чем-то судачат, а блюститель порядка, стоя среди них, что-то записывает в свою книжку.

Вслед за другими судовщик из любопытства переходит улицу.

— Что случилось?

Раздавили собаку, сломалась повозка или пьяница свалился в канаву? Что тут интересного?..

Нет! На стуле сидит маленький мальчик с растрепанными волосами; щеки его измазаны вареньем, он трет кулачками глаза.

Он плачет.

Потоки слез причудливо разрисовали его жалкую, немытую рожицу.

Невозмутимо, с достоинством, словно допрашивая подсудимого, полицейский задает мальчугану вопросы и что-то записывает:

— Как тебя зовут?

— Тотор!

— Виктор, что ли?

Ответа нет.

Мальш плачет еще громче и всхлипывает:

— Мама! Мама!

Подходит простая женщина, некрасивая и грязная, волоча за собой двух ребят; она отделяется от толпы и говорит полицейскому:

— Дайте-ка я поговорю с ним.

Опустившись на колени, она вытирает малышу нос и глаза, целует его в липкие щеки.

— Как зовут твою маму, дружок?

Он не знает.

Полицейский обратился к соседям:

— Вы должны знать этих людей.

Никто не знал, как их зовут.

В доме перебивало столько разных жильцов!

Одно можно сказать: прожили они в этом доме с месяц, не заплатили ни одного су; хозяин только что их выгнал и еще удачно от них отделался!

— Чем они занимались?

— Ничем.

Родители проводили дни в пьянстве, а вечера — в драках.

Зато они дружно колотили своих ребят, двух мальчиков, посылали их на улицу побираться и воровать с прилавков.

Милая семейка, нечего сказать!

— Вы думаете, они вернутся за ребенком?

— Конечно, нет.

Они воспользовались переездом, чтобы его бросить.

Такие вещи уже не раз случались в дни платежей.

Полицейский спросил:

— Никто не видел, как уходили родители?

Они ушли с утра, муж катил тележку, у жены был сверток в фартуке; позади — оба мальчугана, руки в карманах.

— А теперь поди-ка поймай их!

Прохожие громко возмущались, а затем шли своей дорогой.

Он сидит здесь с двенадцати часов! Несчастный малыш!

Мать посадила его на стул и сказала:

— Будь умником!

С тех пор он и ждет ее.

Он плакал и от голода, поэтому торговка фруктами дала ему кусок хлеба с вареньем.

Но хлеб давно съеден, и мальчик опять заплакал.

Он был до смерти напуган, бедняжка! Он боялся собак, шнырявших вокруг; боялся наступающей ночи; боялся чужих, заговаривавших с ним, и его сердечко колотилось, как у пойманной птички.

Толпа вокруг мальчика все росла. Полицейский, которому эта история уже наскучила, взял его за руку, чтобы отвести в — участок.

— Итак, никто его не берет?

— Одну минуту!

Все обернулась.

И увидели широкую, добродушную красную физиономию, расплывшуюся в улыбке до самых ушей, украшенных медными кольцами.

— Минутку! Если никто не хочет, я его заберу.

В толпе послышались восклицания:

— В добрый час!

— И хорошо делаете!

— Молодчина!

Папаша Луво, разгоряченный белым вином, успехом своей сделки и общим одобрением, скрестив руки, стал в середине круга.

— Ну что же? В чем дело? Дело-то простое.

Затем кучка любопытных, продолжая выражать одобрение, проводила его к полицейскому комиссару.

Там, как водится, его подвергли допросу:

— Ваше имя?

— Франсуа Луво, господин комиссар, женат, и удачно, позволю себе заметить, жена у меня — женщина с головой. И это мое счастье, господин комиссар, потому что сам я не очень умен, не очень-то умен, видите ли, хе-хе! Я не орел. «Франсуа — не орел», — говорит моя жена.

Никогда еще не был он так красноречив.

Язык его развязался, он чувствовал себя уверенно, как человек, только что заключивший удачную сделку и выпивший бутылочку белого вина.

— Ваша профессия?

— Судовщик, господин комиссар, хозяин «Прекрасной нивернезки»-великолепная баржа, отменный экипаж... Да, да, экипаж у меня отличный!.. Можете спросить у зрителей шлюзов, начиная от Моста Марии до самого Кламси... Вы ведь знаете Кламси, господин комиссар?

Все вокруг улыбались. Папаша Луво, запинаясь и глотая слова, продолжал:

— Красивое местечко Кламси, верно? Сверху донизу заросло лесом, чудесным лесом, строевым лесом, все столяры это знают... Как раз там я и покупаю свой лес. Хе-хе! Я известен своим лесом. Глаз у меня верный, вот что! Это не значит, что я больно умен. Я, конечно, не орел, как говорит моя жена, а все-таки глаз у меня верный... Вот, глядите, я выбираю дерево толщиной примерно с вас, с вашего позволения, господин комиссар, обвиваю его веревкой, вот так...

И, обхватив полицейского руками, он окрутил его веревкой, которую вытащил из кармана.

Полицейский отбивался:

— Оставьте меня в покое!

— Ничего... ничего... Это я только показал вам, господин комиссар... Я окручиваю его вот этак, а потом, когда я его измерю, я умножаю... умножаю... Не помню только, на сколько я умножаю... Вот моя жена умеет считать. Моя жена — женщина с головой.

Зрители от души смеялись, и даже сам господин комиссар, сидя за столом, соблаговолил улыбнуться.

Когда веселье несколько улеглось, комиссар спросил:

— Кого вы думаете сделать из этого ребенка?

— Уж, конечно, не рантье. У нас в роду не было рантье. Судовщиком будет, честным судовщиком, как все, так и он.

— У вас есть дети?

— Ну еще бы! Одна ходит, один сосет грудь, а одного ждем. Неплохо для человека, про которого не скажешь, что он орел, верно? Вместе с этим малышом будет четверо. Так что ж! Где кормятся трое, найдется и для четвертого. Немножко сожмемся. Потуже затянем пояс и постараемся подороже продавать лес.

И серьги качались, сотрясаясь от его громкого смеха, в то время как он самодовольно поглядывал на присутствующих.

Перед ним положили толстую книгу.

Он был неграмотен и внизу страницы поставил крест.

Затем комиссар передал ему найденьша.

— Забирайте малыша, Франсуа Луво, и воспитывайте его хорошенько. Если я о нем что-нибудь узнаю, поставлю вас в известность. Но вполне возможно, что родители не потребуют его обратно. Что же касается вас, то, по-моему, вы славный малый, я вам доверяю. Всегда слушайте вашей жены. До свидания. Только не злоупотребляйте белым вином.

Темная ночь, холодный туман, толпа равнодушных людей, спешащих домой, — этого оказалось достаточно, чтобы отрезвить беднягу.

Очутившись на улице, с гербовой бумагой в кармане и со своим приемышем, которого он вел за руку, судовщик почувствовал вдруг, что весь его энтузиазм пропал: он понял всю значительность своего поступка.

Неужели он всю жизнь останется таким?

Кто — же он, простак — или хвостун?

Неужели не мог он идти своей дорогой, как другие, не вмешиваясь в то, что его совсем не касалось?

Он заранее представлял себе гнев мамыши Луво.

Какая встреча ждет его, люди добрые, какой прием!

Ужасно, когда у бедняка с мягким сердцем жена с головой.

Он не осмелится вернуться к себе.

Но он также не решится вернуться к комиссару.

Что делать? Что делать?

Они брели в тумане.

Луво жестикулировал, бормотал что-то про себя, готовился к речи.

Виктор с трудом тащился по грязи.

Его приходилось тянуть почти волоком.

Он выбился из сил.

Тогда папаша Луво остановился, взял его на руки и укутал в свою куртку.

Обвинившиеся вокруг его шеи ручонки придали ему храбрости.

Он снова зашагал.

Ну ладно, куда ни шло! Надо выдержать шторм.

Если мамаша Луво выставит их за дверь, то он еще успеет снести малыша обратно к комиссару, но вполне возможно, что на одну ночь она оставит его, и тогда по крайней мере им будет обеспечен хороший ужин.

Они подходили к Аустерлицкому мосту, около которого на причале стояла «Прекрасная нивернезка».^[1]

Приторно-сладкий запах лесного груза наполнял ночь.

На темной реке кишела флотилия судов.

От волнения на реке мерцали огни судовых фонарей и скрипели цепи.

Чтобы попасть на свою баржу, папаше Луво надо было пройти через две шаланды, соединенные мостками.

Он робко продвигался вперед, колени его дрожали, ему мешал ребенок, крепко обхвативший его шею.

Какая темная ночь!

Только слабый огонек озарял окно каюты да полоса света, пробивавшаяся из-под двери, оживляла покой «Прекрасной нивернезки».

Послышался голос мамыши Луво — возьась у очага, она ворчала на

ребятишек:

— Да перестанешь ты, Клара?

Отступать было поздно.

Судовщик толкнул дверь.

Мамаша Луво стояла спиной к двери, наклонившись над сковородкой, но она узнала шаги мужа и, не оборачиваясь, сказала:

— Это ты, Франсуа? Как ты поздно!

В шипящем масле жарился картофель; от пара, который шел из кастрюли и тянулся к открытой двери, запотели окна каюты.

Франсуа поставил мальчика на пол, и бедный малыш, очутившись в теплой комнате, почувствовал, как согреваются его покрасневшие ручонки.

Он улыбнулся и сказал немного нараспев:

— Как тепло!..

Мамаша Луво обернулась.

Показав мужу на маленького оборвыша, стоявшего посреди комнаты, она раздраженно крикнула:

— Это еще что такое?

Бывают же такие минуты даже в самых дружных семьях!..

— Сюрприз, хе-хе! Сюрприз!

Чтобы подбодрить себя, судовщик улыбался во весь рот, но в душе он бы предпочел быть еще на улице.

А так как жена, ожидая объяснений, грозно на него смотрела, то он сбивчиво принялся рассказывать о происшедшем, глядя на нее умоляющими глазами побитой собаки.

Мальша бросили родители. Он нашел его плачущего на тротуаре.

Спросили: «Кто хочет его ваять?»

Он сказал: «Я!»

И комиссар ему сказал: «Берите его!»

— Верно, малыш?

Тут мамаша Луво разразилась:

— Ты что, с ума сошел или пьян? Что это еще за глупости? Тебе, видно, хочется уморить нас с голоду? Ты, видно, считаешь, что мы богачи? По-твоему, у нас есть лишний кусок хлеба и много места для спанья?

Франсуа молча разглядывал свои башмаки.

— Несчастный! Посмотри на себя, посмотри на нас. В твоей барже не меньше дыр, чем в шумовке! А ты еще забавляешься, подбираешь на улице чужих детей!

Все это бедняга уже и сам говорил себе.

Он не собирался возражать.

Он опустил голову, как подсудимый, выслушивающий обвинительный акт.

— Сделай одолжение, отнеси ребенка обратно к полицейскому комиссару. Если он станет ломаться и не возьмет его, ты ему заяви, что жена не захотела его оставить. Понял?

И она надвигалась на него, угрожающе размахивая сковородкой.

Франсуа обещал исполнить все, что она хочет.

— Постой, ты только не сердись. Мне казалось, что я хорошо поступил. Я ошибся. Вот и все. Что же, сейчас увести его?

Покорность мужа смягчила мамашу Луво. Возможно, что она представила себе кого-нибудь из своих детей, заблудившегося ночью, с рукой, протянутой за подающим.

Отвернувшись, чтобы поставить сковородку на огонь, она проворчала:

— Сейчас уже поздно — там закрыто. А раз ты взял ребенка, так не на улицу же его выбрасывать. Эту ночь он проведет с нами, а завтра утром...

И рассерженная мамаша Луво с ожесточением принялась мешать угли...

— ...завтра утром, клянусь тебе, ты меня от него избавишь!

Наступило молчание.

Хозяйка сердито принялась накрывать на стол, стуча стаканами и швыряя вилки.

Клара испуганно забилась в угол.

Грудной ребенок посапывал в кроватке, а найденыш с восхищением смотрел на красные угли.

Возможно, что с самого дня рождения он не видел огня в печке.

Еще больше обрадовался он, очутившись за столом, с салфеткой на шее, перед горкой картофеля на тарелке.

Он ел жадно, как воробышек, которому в зимний день бросают крошки хлеба.

Мамаша Луво сердито подкладывала ему в тарелку, но втайне была растрогана, глядя на этого голодного, худенького ребенка.

Малютка Клара в восторге гладила его своей ложкой.

Приунывший Луво не решался поднять глаза.

Когда со стола было убрано, а дети уложены спать, мамаша Луво уселась у огня, поставив малыша перед собой. Она решила заняться его туалетом.

— Нельзя же такого чумазого мальчишку укладывать в постель! Бьюсь об заклад, что губка и гребень к нему не прикасались.

' Ребенок, как волчок, вертелся в ее руках.

Право же, вымытый и причесанный, он выглядел вовсе не таким безобразным — бедный крошка с розовым носиком пуделя и щечками, круглыми, как два красных яблочка.

Мамаша Луво не без удовлетворения полюбовалась своей работой.

— Сколько ему может быть лет?

Франсуа отложил трубку, довольный, что снова может напомнить о себе.

В первый раз за весь вечер с ним заговорили, а то, что к нему обратились с вопросом, было равносильно почти полному прощению.

Он встал и вытащил из кармана веревку.

— Сколько ему лет, хе-хе! Сейчас тебе скажу.

Он обхватил мальчика поперек тельца.

Опутал его веревкой, как делал это с деревьями в Кламси.

Мамаша Луво с изумлением смотрела на него.

— Что это ты делаешь?

— Снимаю мерку, черт возьми!

Она вырвала веревку у него из рук и швырнула ее в угол.

— Мой бедный муженек! До чего же ты глуп со своими причудами! Ведь ребенок не дерево.

Не везет в этот вечер бедняге Франсуа!

Он отступил, пристыженный, а мамаша Луво принялась укладывать малыша в кроватку Клары.

Сжав кулачки, девчурка спит, раскинувшись во всю ширину кровати.

Она смутно чувствует, как ей кладут что-то под бок; она вытягивает руки, отталкивает соседа в угол, локтями попадает ему в лицо, переворачивается и снова засыпает.

Потом тушат лампу.

Волны Сены бьются о борта баржи, тихонько покачивая дощатый домик.

Найденьш чувствует, как его охватывает приятная теплота, и засыпает с незнакомым ему до сих пор ощущением: чья-то рука ласково гладит его по голове в ту минуту, когда у него смыкаются глаза.

II. «ПРЕКРАСНАЯ НИВЕРНЕЗКА»

Мадемуазель Клара всегда просыпалась рано.

В это утро она очень удивилась, не увидев матери в каюте и обнаружив на подушке чью-то голову возле своей.

Она протерла глаза кулачками и, схватив за волосы своего маленького соседа, принялась его трясти.

Бедный Тотор был разбужен самыми причудливыми пытками и мучениями — шаловливые пальчики щекотали ему шею, хватали за нос.

Изумленно посмотрев вокруг, он подумал, что сон его все еще продолжается.

Над ними раздавались чьи-то шаги.

На набережную с глухим грохотом выгружали доски.

Мадемуазель Клару это, казалось, заинтересовало.

Подняв пальчик, она показала приятелю на потолок жестом, который обозначал:

«Что бы это могло быть?»

Начиналась выгрузка. Дюбак, столяр из Ла-Вилетт, приехал в шесть часов с лошастью и тележкой, и папаша Луво с совершенно несвойственным ему усердием сейчас же принялся за работу.

Добряк не смыкал глаз всю ночь, думая, что ему придется отвести обратно к комиссару иззябшего и голодного ребенка.

Он готовился выдержать утром новую бурю, но, по — видимому, голова мамыши Луво была занята чем-то другим и она не заговаривала с ним о Викторе.

Франсуа надеялся выиграть время, отдалив момент объяснения.

Он хотел только, чтобы о нем забыли, старался не попадаться на глаза жене и работал не покладая рук, боясь, как бы мамыша Луво, увидев его праздным, не крикнула ему:

— Эй, ты там! Коли ты ничего не делаешь, отведи — ка малыша туда, откуда ты его взял!

И он работал.

Груды досок заметно уменьшались.

Дюбак уже три раза съездил туда и обратно, и мамаша Луво, стоя на мостике с грудным ребенком на руках, едва успевала подсчитывать выгружаемые доски.

От большого усердия Франсуа выбирал доски длинные, как мачты, толстые, как стены.

Если доска оказывалась слишком тяжелой, Луво призывал на помощь Экипажа.

Экипаж — матрос с деревянной ногой — составлял всю команду «Прекрасной нивернезки».

Его подобрали из милости и держали по привычке.

Инвалид опирался на деревяшку и с трудом поднимал доску, а Луво, сгибаясь под тяжестью ноши так, что пояс на нем чуть не лопался, медленно спускался по трапу.

Ну, можно ли отвлекать такого занятого человека?

Мамаша Луво об этом и не помышляла.

Она расхаживала по мостику, всецело занятая Мимилем, которого она кормила грудью.

Вечная жажда у этого Мимиля!

Как у папаша.

Папаша Луво выпить не прочь! Но уж, конечно, не сегодня.

Работа началась с раннего утра, но о белом вине не было и речи. Не было даже и мысли о том, чтобы передохнуть, вытереть вспотевший лоб, чокнуться с приятелем возле стойки.

Даже когда Дюбак предложил ему выпить стаканчик, Франсуа сделал над собой героическое усилие.

— После, время терпит.

Отказаться от стаканчика!

Хозяйка ничего не понимала — уж не подменили ли ей Луво?

Клару, очевидно, тоже подменили, — вот уже одиннадцать часов, а девочка, которую обыкновенно никак не удержишь в кровати, сегодня и не думает вставать.

И мамаша Луво спешит в каюту — посмотреть, что там происходит.

Франсуа остается на палубе; у него опустились руки и перехватило дыхание, словно он ударился грудью о бревно.

Так и есть! Жена вспомнила о Викторе, она пошла за ним, и сейчас Луво придется идти к полицейскому комиссару...

Но нет, мамаша Луво появляется одна, она смеется и знаками подвывает к себе мужа.

— Пойди-ка посмотри, уж очень забавно!

Добрый не понимает, отчего это она вдруг так развеселилась; он идет за ней, как автомат, от волнения еле волооча ноги.

Оба малыша в одних рубашках сидят на краю кровати, спустив босые ножки.

Они завладели миской с супом, которую утром мать поставила возле них.

У них была одна ложка на двоих, и они ели по очереди, как птенчики в гнезде; Клара, которая всегда капризничала за едой, теперь, смеясь, подставляла ротик.

Конечно, крошки хлеба попали им и в глаза и в уши, но ничего не было ни разбито, ни опрокинуто; оба малыша от души веселились, и сердиться на них было невозможно.

Мамаша Луво посмеивалась:

— Раз они так хорошо поладили, нам нечего о них беспокоиться.

Весьма довольный, что дело так обернулось, Франсуа поспешил вернуться к своей работе.

Обычно в дни выгрузки он после работы отдыхал: это значило, что он обходил все матросские кабачки, от Пуэн-дю-Жур^[2] до набережной Берси.

Зато выгрузка затягивалась обыкновенно на неделю с лишним, и мамаша Луво все время сердилась.

На этот раз ни белого вина, ни лени нет и в помине — Франсуа охвачен желанием сделать все как можно лучше, он неумоимо, не покладая рук работает.

Малыш, словно поняв, что ему нужно завоевать себе место, старался всячески забавлять Клару.

Впервые за всю жизнь девочка провела день без слез, впервые не набила себе синяков и не разорвала чулок.

Маленький товарищ развлекал ее, утирал ей нос.

Он охотно жертвовал своими волосами, чтобы помешать слезам, готовым в любую минуту брызнуть из глаз Клары.

И она запускала ручонки в его густую спутанную шевелюру и дразнила своего старшего друга, как щенок, задирающий большую собаку.

Мамаша Луво издали наблюдала за происходящим.

Она говорила себе, что неплохо иметь эту маленькую няньку.

Пожалуй, можно оставить Виктора у себя до конца выгрузки. Еще будет время отдать его перед отходом баржи.

Вот почему вечером она ни словом не обмолвилась об отправке малыша и, досыта накормив его картошкой, уложила спать, как и накануне.

Можно было подумать, что приемыш, которого привел Франсуа, является членом семьи, а видя, как Клара, засыпая, крепко обнимает его за шею, нетрудно было догадаться, что девочка взяла его под свое покровительство.

Выгрузка «Прекрасной нивернезки» продолжалась три дня.

Три дня каторжной работы без отдыха, без передышки.

Но вот к полудню нагружена последняя повозка, и баржа опустела.

Буксирный пароход должен был прийти за нею на следующее утро, и Франсуа весь день скрывался под палубой, починяя обшивку. Его не переставали преследовать слова, которые вот уже три дня звучали у него в ушах:

«Отведи его к полицейскому комиссару».

Ох уж этот комиссар!

Обитатели каюты «Прекрасной нивернезки» боялись его не меньше, чем действующие лица балаганного Петрушки.

Он сделался чем-то вроде буки, мамаша Луво злоупотребляла его именем, чтобы усмирить Клару.

Всякий раз, когда она произносила это страшное слово, мальчуган устремлял на нее испуганный взгляд — взгляд ребенка, слишком рано узнавшего, что такое страдание.

Он смутно понимал, чем угрожало ему это слово.

Комиссар! Это означало, что не будет больше ни Клары, ни ласковых слов, ни теплой печки, ни картошки! Вместо этого — возврат к мрачной жизни, к дням без хлеба, к ночам без кровати, к пробуждениям без поцелуев.

Оттого-то накануне отъезда он и вцепился так крепко в юбку мамаша Луво, когда Франсуа дрожащим голосом спросил:

— Ну, так как же? Отвести его, что ли?

Мамаша Луво ничего не ответила.

Казалось, она подыскивала предлог, чтобы оставить Виктора.

Что же касается Клары, то она, задыхаясь от слез, каталась по полу, твердо решив довести себя до нервного припадка, если ее разлучат с новым другом.

«Женщина с головой» сказала значительно:

— Бедный мой муженек! Ты, конечно, по обыкновению сделал глупость. Теперь за нее надо расплачиваться. Ребенок привязался к нам, Клара без ума от него, всем нам будет тяжело расстаться с ним. Я попробую оставить его, но требую, чтобы вы все мне помогли. В первый раз, как Клара закапризничает или же ты напьешься, я отведу его к полицейскому

комиссару.

Папаша Луво просиял.

Итак, решено. Он дает зарок не пить.

Он улыбался, растягивая рот до ушей, и пел на палубе, разматывая канат, в то время как буксирный пароход тащил за собою «Прекрасную нивернезку» вместе с целой флотилией барж.

III. В ПУТИ

Виктор был в пути.

Путь его лежал мимо пригородных деревушек, домики и огороды которых гляделись в реку.

Мимо белой страны меловых гор.

Вдоль шумных бечевников.

Мимо холмов, по направлению к мирно дремлющему каналу Ионны и его шлюзам.

К вечнозеленому, лесистому Морвану.

Прислонясь к рулю, Франсуа, твердо помнивший свой зарок, пропускал мимо ушей приглашения шлюзовых смотрителей и виноторговцев, удивленных тем, что он плывет мимо.

Крепко приходилось держать руль, чтобы помешать «Прекрасной нивернезке» причаливать у кабачков.

Ведь с тех пор, как старая баржа совершала все один и тот же рейс, она знала все пристани и сама останавливалась около них, как лошадь, которая тащит конку.

На носу баржи, опираясь на свою единственную ногу, Экипаж меланхолично орудовал огромным багром, отталкивая водоросли, закругляя на поворотах, цепляясь за шлюзы.

Работа несложная, однако и днем и ночью раздавалось постукивание его деревянной ноги по доскам палубы.

Безропотный и молчаливый, он принадлежал к числу тех, для кого все в жизни складывается неудачно.

Еще в школе товарищ выколол ему глаз, на лесопилке его изувечили топором, а на сахарном заводе кипятком обварили...

Ему пришлось бы нищенствовать и в конце концов умереть с голоду где-нибудь в придорожной канаве, если бы Луво — а ведь у него глаз был наметанный — не взял его к себе в помощники сразу же, как только тот вышел из больницы.

Это даже послужило когда-то поводом к крупной ссоре — совсем как теперь из-за Виктора.

«Женщина с головой» разгневалась.

Луво повесил нос.

А Экипаж в конце концов все-таки остался.

Теперь он входил в состав зверинца «Прекрасной нивернезки» на

равных правах с кошкой и вороном.

Папаша Луво так ловко управлял рулем, а Экипаж так хорошо работал багром, что ровно через двенадцать дней после отплытия из Парижа «Прекрасная нивернезка», поднявшись вверх по реке и каналам, стала на якоре для мирной зимней спячки у моста в Корбиньи.

С декабря по конец февраля навигация прекращается. Судовщики чинят баржи и объезжают участки, скупая лес на корню для весенних порубок.

Дрова недороги — в каютах топят жарко, а если осенние сделки удачны, то эта пора безделья превращается в веселый отдых.

«Прекрасную нивернезку» приготовили к зимовке: с нее сняли руль, запасную мачту спрятали в трюм. Верхняя палуба очистилась для игр и беготни.

Как изменилась жизнь найденьша!

Всю дорогу его не покидало чувство растерянности и страха.

Он напоминал выросшую в клетке птичку, которую так ошеломила свобода, что она внезапно потеряла способность и петь и летать.

Хотя он был еще слишком мал, чтобы восхищаться красотами пейзажа, его все-таки поражало великолепие этого путешествия вверх по реке и с обеих сторон убегающие дали.

Мамаша Луво, видя, что он такой угрюмый и молчаливый, твердила с утра до вечера:

— Он глухонемой.

Нет, маленький парижанин из предместья Тампль ^[3] не был немым.

Когда он убедился, что все это не сон, что он никогда уже не вернется к себе на чердак, что, несмотря на угрозы мамыши Луво, ему нечего особенно бояться полицейского комиссара, язык у него развязался.

Так распускается цветок, вынесенный из погреба на солнечный свет.

Теперь Виктор уже не прятался по углам, как дикий, затравленный хорек.

Глаза его, глубоко запавшие под выпуклым лбом, утратили свою беспокойную подвижность, и, хотя личико его по-прежнему оставалось бледным и серьезным, он скоро научился смеяться вместе с Кларой.

Девочка горячо полюбила своего товарища — так, как любят в этом возрасте, полюбила ради удовольствия ссориться и мириться.

Несмотря на то, что она была упряма, как маленький ослик, сердце у нее было доброе; достаточно было заговорить о полицейском комиссаре, чтобы заставить ее слушаться.

Едва прибыли они в Корбиньи, как появилась на свет новая сестренка.

Мимилю только что исполнилось полтора года, и в каюте не было недостатка в детских кроватках, так же как и в работе: при таких расходах нечего было и думать нанять служанку.

Мамаша Луво ворчала так, что своей воркотней способна была повергнуть в трепет даже деревянную ногу Экипажа.

Никто из здешних не сочувствовал мамаше Луво. Крестьяне не постеснялись даже высказать свое мнение местному кюре, который ставил судовщика им в пример.

— Воля ваша, господин кюре, но у этих людей нет ни капли здравого смысла. Подбирают чужих ребят, когда у самих трое...

— Ох уж эти Луво!

— Все это они напоказ, а советов не слушают.

Им не желали зла, но были не прочь, чтобы они получили хороший урок.

Кюре — простодушный и недалекий человек — легко соглашался с чужим мнением и всегда прибегал к цитатам из священного писания или поучений отцов церкви, чтобы убедить самого себя в своих нестойких суждениях.

«Должно быть, прихожане правы», — думал он, поглаживая свой плохо выбритый подбородок.

Не следует испытывать долготерпение божие.

Но все-таки Луво были люди честные, а потому он решил не нарушать своего обыкновения и, исполняя пастырский долг, посетил их как пастырь.

Он застал мамашу Луво за кройкой штанишек для Виктора из старой матросской куртки Луво. — ведь мальчонка явился к ним голодранцем, а она, как хорошая хозяйка, терпеть не могла лохмотьев.

Она придвинула кюре скамейку, и он сразу же заговорил о Викторе, намекая на то, что при милостивой поддержке епископа может устроить Виктора в сиротский приют в Отене.

Мамаша Луво, которая всем без исключения говорила то, что думала, ответила решительно:

— Что ж говорить, господин кюре: малыш для нас обуза. Франсуа, когда привел его ко мне, лишний раз доказал, что он не орел. Но сердце у меня не камень, как и у моего старика, и если бы Виктора встретила я, мне тоже было бы его очень жаль, однако я оставила бы его там, где он был. Но раз мы его уже взяли, то не для того, чтобы от него отделаться, и если нам придется когда-нибудь терпеть из-за него нужду, то мы ни у кого милостыни не попросим.

В эту минуту вошел Виктор с Мимилем на руках.

Карапуз, как бы мстя за то, что его отняли от груди, упорно отказывался ходить.

У него прорезались зубы, и он всех кусал.

Пораженный этим зрелищем, кюре возложил руку на голову найденныша и торжественно произнес:

— Бог благословляет многодетные семьи.

И ушел, очень довольный собою, ибо весьма удачно сумел подобрать подходящее к случаю изречение.

Мамаша Луво не лгала, говоря, что Виктор стал теперь членом ее семьи.

Не переставая ворчать и все время угрожая, что отведет мальчика к полицейскому комиссару, «женщина с головой» привязалась к заморышу, ни на шаг не отходившему от ее юбки.

Когда Луво иной раз замечал, что она слишком много с ним возится, она неизменно отвечала:

— Не надо было брать.

Как только Виктору исполнилось семь лет, она послала его с Кларой в школу.

И уж, конечно, он всегда носил и книги и кораинку с завтраком.

Он храбро дрался с прожорливыми, беззастенчивыми морванскими ребятишками, спасая завтрак.

Но и в учении он проявлял не меньше рвения, чем в драках, и, несмотря на то, что школу он посещал только зимою, когда прекращалась навигация, он знал больше, чем крестьянские ребятишки, шумливые и такие же неуклюжие, как их деревянные башмаки, хотя эти ребятишки круглый год зевали над своими букварями.

Виктор и Клара возвращались из школы лесом.

Им нравилось смотреть, как дровосеки валят деревья.

Так как Виктор был легок и отличался ловкостью, его заставляли влезать на вершины сосен и привязывать веревку, с помощью которой дерево валили на землю. По мере того как он подымался, он казался все меньше, а когда он добирался до самой верхушки, то Клара пугалась.

А храбрец нарочно раскачивался, желая ее подразнить.

Иной раз они навещали Можандра на лесном складе.

Плотник был худой и сухой, как щепка.

Он жил один за деревней, в самом лесу.

Друзей у него не было.

Замкнутость и неразговорчивость этого чужака, пришельца из провинции Ньевр, поселившегося на отлете, долгое время возбуждали

любопытство деревенских жителей.

Вот уже шесть лет в любую погоду работает он не покладая рук, словно его заставляет крайняя нужда. А ведь ни для кого не секрет, что у него водятся деньжонки и что он заключает крупные сделки и часто приходит к нотариусу в Корбиньн посоветоваться, куда поместить сбережения.

Когда-то он сообщил кюре, что он вдов.

И это все, что о нем было известно.

Завидев детей, Можандр откладывал пилу и прерывал работу, чтобы поболтать с ними.

Он очень полюбил Виктора и научил его вырезать ножом лодочки из обрубков.

Как-то раз он сказал ему:

— Ты напоминаешь мне сына, которого я потерял.

Но тут же, как бы испугавшись, что сказал лишнее, поспешно добавил:

— О, это было давно, очень давно!

В другой раз он сказал папаше Луво:

— Если Виктор когда-нибудь тебе надоест, отдай его мне. У меня нет наследников, я не остановлюсь перед расходами и пошлю его в город, в коллеж. Он выдержит экзамены, поступит в Лесной институт.

Но Франсуа все еще находился под впечатлением своего благородного поступка. Он отказался, и Можандр стал терпеливо ждать того времени, когда постепенное увеличение семейства Луво или денежные затруднения отобьют у судовщика охоту к усыновлению чужих детей.

Судьба как бы пошла навстречу его желаниям.

В самом деле, можно было подумать, что вместе с Виктором на борту «Прекрасной нивернезки» поселилось несчастье.

Все пошло кувырком.

Лес продавался туго.

Перед каждой разгрузкой Экипаж умудрялся нанести себе новое увечье.

И наконец перед самым отплытием слегла мамаша Луво.

От визга ребятишек Франсуа потерял голову.

Он не отличал бульона от лекарств и так раздражал больную своими промахами, что в конце концов решил отказаться от ухода за нею, предоставив это Виктору.

Впервые в жизни судовщику пришлось самому покупать лес.

Как ни окручивал он деревья веревками, как ни снимал раз тридцать подряд одну и ту же мерку, он неизменно ошибался в подсчетах. Помните

его знаменитые подсчеты?

— Я умножаю.... умножаю...

Мамаша Луво — вот кто умел это делать!

Кое-как произвел он приемку леса и, крайне озабоченный, отправился в Париж. Там он наскочил на мошенника, который воспользовался случаем и обманул его.

С тяжелым сердцем вернулся он на баржу, сел к больной жене на край постели и сказал с отчаянием в голосе:

— Бедная моя женушка! Пожалуйста, выздоравливай скорее, не то мы погибли.

Мамаша Луво медленно поправлялась. Она боролась с неудачами и делала все возможное, чтобы свести концы с концами.

Если бы у них были деньги на покупку новой баржи, они сумели бы поправить дела, но болевнь поглотила все сбережения, а доход целиком уходил на то, чтобы затыкать дыры «Прекрасной нивернезки», которая отказывалась служить.

Виктор стал теперь для них тяжелой обузой.

Это был уже не четырехлетний младенец, которого одевали в матросскую куртку и которого ничего не стоило прокормить.

Теперь ему исполнилось двенадцать лет. Ел он не меньше взрослого, но был все такой же худой и нервный, так что пока никто и речи не заводил о том, чтобы дать ему в руки багор, когда Экипаж выбывал из строя.

Дела шли все хуже и хуже. В последнюю поездку они едва добрались до Кламсн.

«Прекрасная нивернезка» протекала то тут, то там — заплатки не помогали. Следовало обшить ее заново, а еще лучше — просто продать на слом и купить новую.

Как-то мартовским вечером, накануне отплытия в Париж, когда расстроенный Луво, рассчитавшись за лес стал прощаться с Можандром, тот пригласил его к себе распить бутылочку вина.

— Мне нужно с тобой поговорить, Франсуа.

Они вошли в дом.

Можандр налил стаканы, и они уселись друг против друга.

— Я, Луво, не всегда жил так одиноко, как сейчас. Когда-то у меня все было, жить бы мне да радоваться: были у меня и деньги и хорошая жена. Все я потерял. По своей вине.

Можандр замолчал, готовое вырваться у него признание застряло в горле.

— Я никогда не был злым человеком, Франсуа. Но у меня была одна

пагубная страсть.

— У тебя?

— Я и сейчас от нее еще не освободился. Больше всего на свете я люблю деньги. Это и было причиной всех моих несчастий.

— Что же с тобой, бедняга, случилось?

— Сейчас я тебе расскажу. Вскоре после свадьбы у нас родился ребенок, и мне пришлось в голову послать жену в Париж и устроить ее там кормилицей. Это приносит большой доход, а если муж человек толковый, он и сам управится с хозяйством.

Жена не хотела расставаться с мальчишкой. Она сказала мне: «Ведь мы, муженек, и без того зарабатываем немало. А все, что сверх, это проклятые деньги. Они нам впрок не пойдут. Такой заработок простителен бедным семьям, где много детей. Избавь меня от горя, от разлуки с вами».

Я ничего не хотел слушать и заставил ее уехать.

— Ну и что же?

— Так вот, когда моя жена нашла подходящее место, она передала нашего ребенка какой-то старухе, чтобы та привезла его в деревню ко мне. Жена сама проводила их на вокзал. И оба они как сквозь землю провалились.

— А что случилось, бедняга, с твоей женой?

— Как ей об этом сказали, молоко бросилось ей в голову... Она умерла.

Оба замолчали: Луво — потрясенный услышанным, Можандр — удрученный воспоминаниями.

Плотник заговорил первый:

— В наказание я осудил себя на ту жизнь, которую я и веду. Двенадцать лет пробыл я вдаль от людей. Больше я не в силах так жить.' Я боюсь умереть в одиночестве. Если тебе хоть немного жаль меня, отдай мне Виктора — он заменит ребенка, которого я потерял.

Луво был в замешательстве.

Виктор стоил им больших денег. Но если они откажутся от него теперь, именно тогда, когда от него уже может быть для них польза, то все жертвы, которые они принесли, чтобы его воспитать, пропадут зря.

Можандр угадал его мысли. "

— Самой собой, Франсуа, если ты мне его отдашь, я возьму тебе все, что ты на него потратил. И мальчик от этого только выиграет. Всякий раз, когда я вижу в лесу студентов Лесного института, я говорю себе, что и мой мальчик мог бы быть таким же, как они. Виктор работающий, он мне нравится. Ты, конечно, понимаешь, что я буду относиться к нему, как к

сыну... Ну, так как же? Сговорились?..

Вечером, когда дети легли спать, предложение Можандра обсуждалось в каюте «Прекрасной нивернезки».

«Женщина с головой» пыталась здраво рассуждать:

— Видишь ли, Франсуа, мы сделали для этого мальчика все, что было в наших силах. Конечно, хорошо бы его оставить. Но раз уж представляется случай расстаться с ним, и для его же пользы, надо на это решиться.

Однако оба невольно поглядывали на кровать, на которой детским сном, спокойным и крепким, спали Виктор и Мимиль.

— Бедный мальчик! — с нежностью в голосе сказал Франсуа.

Было слышно, как вода с тихим плеском бьется о борта баржи да время от времени прорезал ночную тишину гудок паровоза.

Мамаша Луво разрыдалась.

— Будь что будет! Я его не отдам, Франсуа!

IV. ЖИЗНЬ СУРОВА

Виктору вскорости должно было исполниться пятнадцать лет.

Он как-то неожиданно вырос и превратился из бледного мальчика в крепкого парня, широкоплечего, с неторопливыми движениями.

За то время, что он плавал на «Прекрасной нивернезке», он успел изучить весь ее путь и, как опытный судовщик, знал все мели, угадывал высоту воды и с одинаковой ловкостью управлялся с багром и рулем.

Он носил широкую матросскую блузу, стянутую красным поясом.

Когда папаша Луво поручал ему руль, Клара, ставшая уже почти взрослой, усаживалась с вязаньем возле Виктора, любуясь его спокойным лицом и уверенными движениями.

На этот раз путь из Корбиньи в Париж был труден. Сена вздулась от осенних дождей и, прорвав все заграждения, как зверь, почуявший свободу, ринулась к морю.

Вода в реке поднялась до уровня набережных, от смотрителей шлюзов каждый час поступали тревожные телеграммы, и обеспокоенные судовщики спешили с выполнением поставок.

Стало известно, что и притоки Сены, прорвав плотины, затопили деревни, а вода все прибывала и прибывала.

Набережные были запружены суетливой толпой, лошадьми и повозками, а паровые краны подымали вверх свои огромные рычаги.

Винный склад был уже очищен.

На подводах увозили ящики с сахаром.

Лоцманы покидали будки, набережные пустели, и вереница подвод медленно ползла вверх по склону холма, спасаясь от наводнения, как армия от наступающего неприятеля.

Замешкавшись из-за буйства реки и безлунных ночей, Луво не надеялись выгрузить лес вовремя.

Все принимали участие в разгрузке и работали до поздней ночи при свете газовых рожков, горевших на набережной, и ручных фонарей.

К одиннадцати часам весь лес был сложен в штабеля на набережной.

Повозка столяра Дюбака не показывалась, и все пошли спать.

То была жуткая ночь. Все время лязгали цепи, трещала обшивка судов, ударялись друг о друга борта.

«Прекрасная нивернезка», расплзавшаяся по всем швам, напоминала человека под пыткой. Невозможно было сомкнуть глаза.

Папаша Луво, его жена, Виктор и Экипаж встали на рассвете, а ребяташки продолжали спать.

За ночь Сена поднялась еще выше.

Бурля и волнуясь, как море, она катила под низким небом свои зеленые воды.

На набережной никаких признаков жизни.

На реке ни одной баржи.

Только обломки крыш и заборов неслись по течению.

Вдали, за мостами, выступал из тумана силуэт Собора Парижской богородицы.

Нельзя было терять ни секунды та река уже хлынула на нижнюю набережную, волны подмыли и развалили штабеля досок.

Франсуа, мамаша Луво и Дюбак почти по колено в воде нагружали повозку.

Вдруг они вздрогнули от страшного грохота.

Шаланда, груженная мельничными жерновами, порвала цепь, треснула от носа до кормы и пошла ко дну у самой набережной.

Образовалась бешено крутящаяся воронка, водоворот.

Все стояли неподвижно, пораженные этим крушением, и вдруг сзади них раздался вопль.

От толчка «Прекрасная нивернезка» сорвалась с цепи и уже отходила от берега.

— Мои дети! — закричала мамаша Луво.

Виктор бросился в каюту.

Он появился на палубе с малюткой на руках.

Клара и Мимиль бежали за ним, и все они протягивали руки к набережной.

— Остановите!

— Лодку!

— Веревку!

— Что делать?

Переправить их вплавь было невозможно.

Экипаж, обезумев, беспомощно метался от одного борта к другому.

Надо было причалить во что бы то ни стало.

При виде растерявшегося калеки и плачущих детей новоявленный капитан Виктор почувствовал в себе прилив энергии.

— Живо! Бросай канат! — скомандовал он.

— Живей!

— Ловите!

Три раза возобновляли они попытку.

Но «Прекрасная нивернезка» была уже слишком далеко от берега, и трос падал в воду.

Тогда Виктор бросился к рулю, послышался его крик:

— Не бойтесь) Я справлюсь!

И действительно, резким движением руля ему удалось повернуть баржу, которую боком несло вниз по течению.

Луво совсем потерял голову.

Он хотел броситься в воду и вплавь добраться до своих детей, но Дюбак ухватил его поперек туловища, а мамаша Луво, чтобы ничего не видеть, в ужасе закрыла лицо руками.

Теперь «Прекрасная нивернезка» с быстротой буксирного парохода неслась по течению прямо на Аустерлицкий мост.

Спокойно налегая на руль, Виктор управлял баржей, подбадривая малышей, отдавал приказания Экипажу. Он не сомневался, что все сойдет благополучно, так как правил прямо на красный флаг, висевший над главной аркой для того, чтобы указывать путь судовщикам.

Но достаточно ли высок пролет?

Мост приближался быстро.

— Бери багор. Экипаж! Клара! Не отходи от детей!

Сам он изо всех сил налегал на руль.

Он уже чувствовал, как ветер из-под арки шевелит его волосы. Во! и мост.

Увлекаемая течением, «Прекрасная нивернезка» со страшным шумом исчезла в пролете, но все же толпа, собравшаяся на Аустерлицком мосту, успела заметить, что матрос на деревянной ноге, не сумев зацепиться багром, растянулся во весь рост на палубе, и слышно было, как мальчик у руля громко кричал:

— Багор! Багор!

«Прекрасная нивернезка» была уже под мостом.

Под аркой Виктор ясно различал в темноте огромные кольца, вделанные в устои моста, швы свода над самой головой, а вдали — арки других мостов, и в их пролетах синело небо.

Затем горизонт сразу расширился — ослепительно яркий свет, как при выходе из погреба. Крики «ура» над его головой и здание собора, будто фрегат на якоре.

Баржа остановилась.

Мостовым сторожам удалось баграми зацепить баржу за борт. Виктор бросился к причалу и крепко намотал канат на кнехты.

У всех на глазах «Прекрасная нивернезка» повернулась другим бортом и, повинувшись новой силе, притягиваемая канатом, со всем своим малолетним экипажем и пятнадцатилетним капитаном медленно причалила к набережной Турнель.

О, как они были счастливы, когда собрались все вместе вечером, за дымящимся рагу в каюте баржи, на этот раз прочно ставшей на якорь и крепко пришвартованной!

И юный герой на почетном месте — на месте капитана!

После пережитого утром волнения ни у кого не было аппетита, но настроение у всех было приподнятое, как всегда после миновавшей опасности.

Всем дышалось легко.

Все подмигивали друг другу, как бы желая сказать:

«То-то же! Хороши бы мы были сегодня, если бы тогда отвели его к комиссару!»

И папаша Луво заливался смехом, обводя затуманившимися от слез глазами свой выводок.

Можно было подумать, что им улыбнулось неожиданное счастье, что «Прекрасная нивернезка» перестала давать течь, что им выпал главный выигрыш в лотерее.

Судовщик то и дело награждал Виктора увесистыми тумачами.

Особый способ выражать нежность!

— Ну и шельма этот Виктор! Как он повернул руль! Ты заметил, Экипаж? Я сам не сделал бы лучше! Я, шкипер, хе-хе!

Целых две недели добряк не мог успокоиться и бегал по набережным, рассказывая о замечательном повороте руля:

— Понимаете? Баржу несло течением. Тогда он... Раз!

И он жестом изображал знаменитый поворот.

А вода в Сене спадала, близилась минута отплытия.

Однажды утром, когда Виктор и Луво откачивали на палубе воду, почтальон принес письмо.

На обороте конверта стоял синий штампель.

Чуть дрогнувшей рукой судовщик распечатал письмо, и так как в грамоте он был не сильнее, чем в вычислениях, то сказал Виктору:

— Прочти-ка, что здесь написано.

Виктор прочел:

«Полицейское управление, XII отделение. Г-на Луво (Франсуа), хозяина-судовщика, просят зайти в самом непродолжительном времени к полицейскому комиссару».

— Все?

— Все.

— Что ему от меня нужно? Луво целый день не было дома.

Когда же он вернулся, от его веселости не осталось и следа...

Он был сумрачен, угрюм, молчалив. Мамаша Луво недоумевала. Когда дети ушли играть на палубу, она спросила:

— Что случилось?

— Неприятная история.

— Что-нибудь с твоей поставкой?

— Нет, с Виктором.

И он рассказал о своем посещении комиссара.

— Помнишь, я тебе говорил про женщину, которая его бросила? Она не была его матерью.

— Ах, вот как!..

— Она его украла.

— Как это узнали?

— Она сама перед смертью призналась полицейскому комиссару.

— И тебе сказали, кто его родители? Луво вздрогнул.

— С чего ты взяла?

— А зачем же тогда вызывать? Франсуа рассердился.

— Если бы я даже и узнал, кто его родители, я бы тебе не сказал!

Покраснев от злости, он вышел и хлопнул дверью. Мамаша Луво была озадачена.

— Что с ним такое?

В самом деле, что же произошло с Франсуа? С того дня его поведение, речь, характер — все резко изменилось.

Он почти ничего не ел, плохо спал, сам с собою разговаривал по ночам.

Он стал прекословить жене.

Он придирался к Экипажу, грубо обращался со всеми, особенно с Виктором.

Когда изумленная мамаша Луво спрашивала, что с ним, он резко отвечал:

— Ничего. Откуда ты взяла, что со мной что-то случилось? Вы все против меня.

Все попытки бедной женщины были безуспешны.

— Право же, он сходит с ума!

В том, что Франсуа рехнулся, она перестала сомневаться в тот вечер, когда он устроил сцену из-за Можандра.

Рейс подходил к концу, они уже приближались к Кламси.

Виктор и Клара говорили о школе, и когда мальчик заметил, что рад будет снова повидаться с Можандром, папаша Луво внезапно вспылал:

— Не смей говорить мне о Можандре! Я не желаю иметь с ним никаких дел!

Вмешалась мать.

— Что он тебе сделал?

— Что он мне сделал?.. Что он мне сделал?.. Это тебя не касается. Или я уже здесь не хозяин?

Увы! Он был теперь настолько хозяином, что вместо того, чтобы причалить, как обычно, к Корбиньи, поднялся на две мили выше по реке, к самому лесу.

Он заявил, что Можандр только и думает, как бы надуть его, повтому лучше иметь дело с другим лесопромышленником.

Они остановились так далеко от деревни, что о посещении школы нечего было и думать.

Виктор и Клара целые дни проводили в лесу, собирали хворост.

Когда им становилось невозможно тащить свою ношу, они клали хворост на склоне оврага и усаживались среди цветов. Виктор доставал из кармана книгу и заставлял Клару читать вслух.

Они любили смотреть, как солнечный свет, пробиваясь между ветвями, бросает дрожащие блики на страницы книги и на их волосы. Вокруг жужжание насекомых, а дальше — лесная тишина.

Когда они запаздывали, то быстрым шагом шли по широкой дороге, на которую падали тени от деревьев.

Вдали, сквозь легкий туман, поднимавшийся от реки, виднелась мачта «Прекрасной нивернеэки», мерцал огонек.

Это мамаша Луво на свежем воздухе у реки готовила на костре ужин.

Возле нее Мимиль, взъерошенный, как метелка из перьев, в рубашке, вылезавшей из штанишек, умильно поглядывал на котелок.

Маленькая сестренка играла тут же на земле.

Экипаж и Луво курили трубки.

Однажды вечером перед самым ужином они увидели, что кто-то вышел из лесу и направился к ним.

— Это Можандр!

Да, это был он. Сильно постаревший и поседевший.

Шел он, опираясь на палку. Когда же он заговорил, стало ясно, что у него одышка.

Он протянул Луво руку.

— Что же это? Ты изменил мне, Франсуа?

Судовщик в замешательстве что-то пробормотал.

— Да нет! Я на тебя не сержусь.

У него был такой усталый вид, что мамаша Луво прониклась к нему жалостью.

Не обращая внимания на неприветливость мужа, она предложила Можандру сесть на скамью.

— Уж не больны ли вы, господин Можандр?

— Я здорово простудился.

Говорил он медленно и почти шепотом.

Горе смягчило его.

Он сказал, что собирается покинуть эти края и поселиться где-нибудь в Невере.

— Конечно, торговать я больше не буду. Теперь я богатый, у меня есть деньги, много денег. Да на что они? Ведь я не могу купить на них утраченное счастье.

Франсуа слушал, нахмутив брови.

Можандр продолжал:

— Чем больше я старею, тем тяжелее для меня одиночество. Прежде, бывало, забудешься за работой, а теперь и работа не радует. Ко всему потерял охоту. Решил переселиться: может, полегче станет.

И как бы невольно взгляд его все время обращался к детям.

В эту минуту из леса вышли с вязанками хвороста Виктор и Клара.

Завидя Можандра, они побросали вязанки и подбежали к нему.

Он, как всегда, приветливо с ними поздоровался и сказал Луво, который по-прежнему хмурился:

— Какой же ты счастливец! У тебя четверо детей. А у меня никого нет.

Он вздохнул.

— Пенять не на кого, сам виноват.

Он поднялся.

Все последовали его примеру.

— Прощай, Виктор! Работай, не ленись и люби своих родителей — это твой долг.

Положив руки ему на плечи, он долго смотрел на него.

— Подумать только: если бы у меня был сын, он был бы уже таким, как Виктор.

Злобный взгляд Луво, казалось, говорил: «Да уберешься ли ты наконец?»

Однако в ту минуту, когда плотник собрался уходить, Франсуа пожалел

его и окликнул:

— Можандр! Может, поужинаешь с нами?

Это было сказано сквозь зубы и таким неприятным тоном, что невольно пропадала охота принять приглашение.

Старик покачал головой.

— Спасибо, я не голоден. Видишь ли, когда на душе невесело, на чужое счастье больно смотреть.

И он ушел, тяжело опираясь на палку.

За весь вечер Луво не проронил ни слова.

Всю ночь он ходил взад и вперед по палубе, а утром, ни слова не сказав, ушел.

Он отправился прямо к кюре.

Дом священника стоял по соседству с церковью.

Это было большое четырехугольное здание, перед ним — двор, позади — огород.

У крыльца куры клевали корм.

На выгоне мычала привязанная корова.

Приняв решение, Луво сразу успокоился.

Он открыл калитку и со вздохом облегчения сказал себе, что, когда будет уходить отсюда, сбросит с себя бремя заботы.

Кюре он застал в прохладной столовой.

Священник только что позавтракал и теперь дремал, склонив голову над требником.

Появление Луво разбудило его — он заложил страницу и, захлопнув книгу, усадил посетителя. Судовщик мял в руках фуражку.

— Ну что, Франсуа? Какое у вас ко мне дело?

Луво сказал, что нуждается в совете, и попросил разрешения рассказать все по порядку.

— Потому что, видите ли, господин кюре, я не очень — то боек. Я не орел, хе-хе, как говорит моя жена.

Несколько успокоив себя этим вступлением, он начал свой рассказ, задыхаясь, весь красный, упорно глядя на козырек фуражки.

— Помните, господин кюре, Можандр вам говорил, что он овдовел? Это случилось пятнадцать лет тому назад. Его жена отправилась в Париж искать место кормилицы. Она, как полагается, показала своего ребенка врачу, в последний раз его покормила, а затем доверила разносчице детей.

Священник перебил его:

— Что это такое — разносчица детей?

— Это, господин кюре, такая женщина, которой поручают разносить

по деревням детей кормилиц. Она несет их всех вместе в корзине, как несчастных котят.

— Ну и ремесло!

— Бывает, что им занимаются и вполне порядочные женщины, господин кюре. Но жена Можандра наскочила на женщину, которую никто не знал, на ведьму, которая крада детей и за деньги уступала их другим бездельницам, а те побирались с ними на улицах, стараясь разжалобить людей.

— Да что это вы рассказываете, Франсуа?

— Сушью правду, господин кюре. Эта подлая баба украла кучу детей, и малыша Можандра в том числе. Она держала его до четырех лет. Она хотела приучить его просить милостыню, но он был сыном честного человека и отказывался протягивать руку за подаванием. Тогда она бросила его на улице на произвол судьбы. Полгода назад она умерла в больнице, но перед смертью совесть стала ее мучить. Я знаю, что это такое, господин кюре, от этого чертовски страдаешь.

И бедняга поднял глаза к потолку, как бы клянясь, что не лжет.

— Тогда она вызвала к себе комиссара. Она назвала имя ребенка. Комиссар мне его сообщил. *Это* — Виктор.

Кюре выронил молитвенник.

— Виктор — сын Можандра?

— Да, его сын.

Священник был поражен.

Он пробормотал какую-то фразу, в которой можно было разобрать слова: «несчастный ребенок»... «перст божий»...

Встав с места, он заходил по комнате, подошел к окну, налил себе стакан воды и в конце концов, засунув руки за пояс, остановился перед Луво.

Он подыскивал подходящее к данному случаю изречение, но, ничего не найдя, сказал:

— Ну что ж! Значит, надо вернуть его отцу.

Луво вздрогнул.

— В том-то и беда, господин кюре. Вот уже полгода, как мне это известно, но до сих пор у меня не хватало духу кому-нибудь об этом сказать, даже жене. Столько мы положили трудов, чтобы воспитать мальчишку, столько тяжелого пережили вместе, и теперь я просто не знаю, как нам расстаться с ним.

Все это была истинная правда, и если Можандр был достоин жалости, то можно было пожалеть и бедного Франсуа.

Одинаково сочувствуя им обоим, кюре обливался потом и мысленно спрашивал у бога помощи.

Забыв, что Луво пришел к нему за советом, он сказал сдавленным голосом:

— Послушайте, Франсуа: если бы вы были на моем месте, что бы вы посоветовали?

Судовщик опустил голову.

— Видно, придется отдать Виктора, господин кюре. Я почувствовал это в тот день, когда к нам неожиданно явился Можандр. У меня сердце разрывалось, когда я увидел его, такого дряхлого, такого печального, такого убитого. Мне стало так стыдно, словно у меня в кармане лежали его деньги, краденые деньги. Я не в силах был дольше хранить мою тайну и пришел к вам, чтобы все рассказать.

. — И прекрасно сделали, Луво, — сказал кюре, придя в восторг от того, что судовщик сам подсказал ему решение. — Никогда не поздно исправить ошибку. Я пойду вместе с вами к Можандру. Вы во всем ему признаетесь.

— Завтра, господин кюре!

— Нет, Франсуа, немедленно.

Видя, как мучается бедняга, как нервно мнет он в руках фуражку, кюре продолжал мягко настаивать:

— Пожалуйста, Луво, прошу вас — немедленно, раз мы оба пришли к такому решению!

V. ЧЕСТОЛЮБИВЫЕ МЕЧТЫ МОЖАНДРА

Сын!

У Можандра есть сын!

Он не сводит с него глаз, сидя против него на скамейке вагона, который с грохотом уносит их в Невер.

Это настоящее похищение.

Старик увез сына, даже не поблагодарив как следует, точно бродяга, которому в лотерее достался главный выигрыш, и он спешит скрыться.

Старик решил сразу оторвать ребенка от всех его старых привязанностей. Он жаден теперь в самой своей нежности, как прежде был жаден на золото.

Ничего не давать никому! Ни с кем не делиться!

Его сокровище — для него одного, и никто пусть на него не глазееет.

В ушах у Можандра шум, подобный шуму поезда.

Голова его пышет, как паровоз.

А мечты несутся быстрее всяких паровозов и всяких поездов, перескакивая через дни, месяцы, годы.

В его мечтах Виктору двадцать лет, и на нем темно — зеленый мундир с серебряными пуговицами.

Студент Лесного института!

У студента Можандра как будто бы даже шпага на боку и треуголка, сдвинутая на ухо, как у студента-политехника, — все институты и все мундиры смешались в грезах Можандра.

Да и не все ли равно!

Можандр не скупится ни на галуны, ни на позолоту.

Ведь денег хватит, чтобы заплатить за все это... И Виктор будет «образованным господином», раззолоченным с ног до головы.

Мужчины будут снимать перед ним шляпы.

Самые красивые женщины будут от него без ума.

А где-нибудь в уголке будет сидеть старик с мозолистыми руками и с гордостью говорить:

«Вот мой сын!»

«Ну как дела, сынок?»

«Сынок» тоже грезит, надвинув на глаза берет, в ожидании золоченой

треуголки.

Ему бы не хотелось, чтобы отец заметил, как он плачет.

Разлука произошла так неожиданно!

Клара поцеловала его, — ее поцелуй и сейчас еще горит у него на щеке.

Папаша Луво отвернулся.

Мамаша Луво побледнела.

А Мимиль, чтобы его утешить, принес ему свою миску с супом.

Все! Даже Мимиль!

Как-то они будут жить без него?

Как-то он будет жить без них?

Будущий студент Лесного института настолько взволнован, что всякий раз, когда отец к нему обращается, отвечает:

— Да, господин Можандр.

Далеко еще не все напасти кончились для маленького судовщика с «Прекрасной нивернезки».

Сделаться «образованным господином» стоит не только денег, но и больших жертв и огорчений.

И Виктора охватывают смутные предчувствия, а скорый поезд, свистя, пронесется по мостам над пригородами Невера.

Виктору кажется, что он уже видел когда-то, в далеком, печальном прошлом, и эти тесные улицы и эти узкие тюремные окна, откуда свешиваются жалкие лохмотья.

Теперь под ногами у них уже мостовая. Вокруг движется и гудит суетливая вокзальная толпа, снуют зеваки, толкаются носильщики с багажом, стучат колеса фиакров, тяжелых омнибусов, осаждают их шумно путешественники с затянутыми в ремни пледами.

Виктор с отцом выезжают в экипаже за ворота вокзала.

Плотника не покидают его мечты.

Ладо немедленно преобразить Виктора.

И прямо с вокзала он отправляется со «своим сыном» к портному коллежа.

Новенькая мастерская, блестящие прилавки. Хорошо одетые господа, словно сошедшие с цветных гравюр, что развешаны по стенам, с покровительственной улыбочкой открывают посетителям двери.

Они показывают папаше Можандру обложку «Журнала мод», на которой изображены курящий ученик коллежа, амазонка, джентльмен в охотничьем костюме и невеста в белом атласном платье.

У портного под рукой модель форменного мундира, подбитого

волосом на груди и на спине, с прямыми полами, с золочеными пуговицами.

Он раскладывает модель перед плотником, а тот, сияя от гордости, восклицает:

— Вид у тебя будет прямо как у военного!

Какой-то человек в одной жилетке, с сантиметром вокруг шеи, подходит к ученику Можандру.

Он снимает мерку: ширина бедер, талия, спина.

Эти манипуляции вызывают у маленького судовщика воспоминания, от которых у него на глаза навертываются слезы, — причуды бедного палаши Луво, воркотню «женщины с головой», все то, что он покинул.

Со всем этим покончено.

Прилично одетый молодой человек, которого Виктор видит перед собою в большом зеркале примерочной, не имеет решительно ничего общего с маленьким подручным на «Прекрасной нивернезке».

Портной кончиком сапога пренебрежительно вталкивает под прилавок, словно кучу лохмотьев, обесславленную матросскую блузу.

Виктор чувствует, что все это — его прошлое, от которого его заставили отказаться.

И не только отказаться!

Ему запрещено даже вспоминать о нем!

— Надо решительно избавиться от недостатков вашего прежнего воспитания, — строго сказал г-н директор, не скрывая своего недоверия к новичку.

А для того, чтобы это перерождение пошло легче, решено, что ученика Можандра только раз в месяц будут отпускать из училища.

О, как горько он плачет в первый вечер в углу мрачного и холодного дортуара, между тем как другие ученики храпят на железных кроватях, а надзиратель при свете ночника украдкой глотает роман, страницу за страницей!

Как страдает он во время проклятых перемен от толчков и издевательств своих товарищей!

Как грустно ему на уроках, когда он сидит, низко склонившись над партой, вздрагивая от окриков классного наставника, который со всего размаху хлопает ладонью по кафедре, повторяя одну и ту же фразу:

— Нельзя ли потише, господа!

Этот крикливый голос поднимает со дна души муть тяжелых воспоминаний, отравляет жизнь Виктору.

Он напоминает ему мрачные дни его раннего детства, лачугу в

предместье Тампль, побои, драки — все то, что он успел забыть.

И он в отчаянии цепляется за образы Клары, «Прекрасной нивернезки»- это единственные проблески солнца во мраке его жизни.

Вероятно, поэтому классный наставник и находит, к своему удивлению, на каждой странице любой книги ученика Можандра рисунок баржи.

Виктор воспроизводит одну и ту же баржу с упорством одержимого.

То она медленно, как по узкому каналу, поднимается вверх по полям книги.

То, как на мель, садится прямо на теорему, забрызгивая чертежи и текст доказательств.

То на всех парусах плывет по океанам карты полушарий.

Именно на океанских просторах она особенно кичливо распускает паруса, развевая по ветру свой флаг.

Директору в конце концов надоело выслушивать по этому поводу обстоятельные доклады, и он вызывает отца.

Плотник поражен:

— Такой послушный мальчик!

— Он упрям, как осел.

— Такой умный!

— Ему ничего нельзя вдолбить в голову.

И никто не хочет понять, что ученик Можандр выучился читать в лесу, глядя на страницы книги через плечо Клары, а ведь это совсем не то, что зубрежка геометрии под надзором лохматого классного наставника.

Вот почему ученик Можандр из «среднего» отделения скатывается в «младшее».

Дело в том, что между уроками учителя в Корбиньи и уроками преподавателей коллежа в Невере большая разница.

Велико расстояние, которое отделяет учителей в шапочках из кроличьей шкурки от преподавателей в шапочках из горностая.

Можандр-отец в отчаянии.

Ему кажется, что ученый-лесовод в треуголке удаляется от него семимильными шагами.

Он сердится, он умоляет, он дает обещания:

— Может быть, тебе нужны дополнительно уроки? Учителя? Я приглашу к тебе самых лучших. Самых дорогих!

Между тем ученик Можандр попадает в разряд лентяев. «ведомость» безжалостно свидетельствует о его тупости.

Он и себе самому кажется глупым.

С каждым днем он все больше впадает в тоску и уныние.

Если бы Клара и другие члены семьи могли видеть, что сделали с их Виктором!

Как широко распахнули бы они двери его тюрьмы!

От всей души предложили бы они ему разделить с ними последний кусок хлеба, последний обломок доски!

Потому что они тоже несчастны.

Дела идут все хуже и хуже.

Баржа день ото дня ветшает.

Виктор знает об этом из писем Клары, время от времени получаемых с размашистой бездушной пометкой «просмотрено», которую небрежно, красным карандашом делает сам директор, не выносящий этой «подозрительной переписки».

«Ах, если бы ты был с нами!.. — восклицает Клара в своих письмах, по-прежнему нежных, но все более и более грустных. — Ах, если бы ты был с нами!..»

Может быть, и в самом деле прежде все шло отлично и все было бы спасено, если бы Виктор вернулся?

Ну что же, Виктор спасет все.

Он купит новую баржу.

Он утешит Клару.

Он поправит дела.

Тот, кого они любили, не оплатит им черной неблагодарностью. Тот, кого они приютили, будет им бесполезен.

Но для этого надо стать взрослым.

Надо зарабатывать деньги.

Надо получить образование.

И Виктор принимается за книги.

Пусть теперь летают вокруг него бумажные стрелы, пусть классный наставник изо всей силы стучит по кафедре и, как попугай, повторяет: «Нельзя ли потише, господа!»-Виктор уткнулся носом в книгу и не отрывается от нее.

Он больше не рисует барж.

Он не обращает внимания на шарики из жеваной бумаги, которые расплющиваются, ударяясь об его лицо.

Он зубрит... Он зубрит...

«Письмо для ученика Можандра».

Ах, как хорошо! Письмо Клары застаёт его в самый разгар занятий, чтобы подбодрить его и принести с собой аромат свободы и нежности.

Виктор прячет голову под парту, чтобы поцеловать кривые строчки адреса, написанные с трудом, дрожащей рукой, словно непрерывная килевая качка судна толкала стол, на котором писала Клара.

Увы! Не от качки, а от волнения дрожала рука Клары.

«Кончено, дорогой Виктор! «Прекрасной нивернезке» больше не плавать. Она развалилась и, развалившись, разорила нас.

На корме прибили черную доску с надписью: «Продается на слом».

Приходили какие-то люди, все оценили, все описали — от багра Экипажа до люльки, в которой спит маленькая сестренка. Кажется, все это продадут, и у нас больше ничего не останется.

Что с нами будет?

Мама может умереть с горя, а папа так изменился...»

Виктор не дочитал письма.

Буквы кружились у него перед глазами, лицо горело, как в огне, в ушах звенело.

О, как далек он был сейчас от классной комнаты!

Усталый от занятий, измученный горем, истомленный лихорадкой, он бредил. Ему казалось, что его несет вниз по течению Сены, по красивой прохладной реке.

Ему захотелось освежить себе лоб ее водой. Потом он смутно услышал звон колокола.

Очевидно, то был буксирный пароход, шедший в тумане. Затем раздался шум стремительного потока, и он закричал:

— Наводнение! Наводнение!

Он вздрогнул при мысли о мраке, сгустившемся под сводами моста, и вдруг среди всех этих видений перед ним, под абажуром, появилась лохматая голова испуганного наставника:

— Вы больны, Можандр?

Ученик Можандр серьезно болен.

И хотя доктор отрицательно качает головой, когда бедный отец, провожая его до дверей коллежа, спрашивает сдавленным от волнения голосом: «Ведь он не умрет, как вы думаете, правда?» — видно, что доктор не вполне в этом уверен.

Не уверены и его седины.

Робко говорят они «нет», словно боясь себя скомпрометировать.

Нет уже речи ни о зеленом мундире, ни о треуголке.

Дело идет только о том, чтобы спасти ученика Можандра от смерти.

Доктор дал ясно понять, что мальчику необходимо вернуть свободу, если только он выкарабкается...

Если он выкарабкается!

Мысль, что можно потерять только что найденного сына, опрокидывает все честолюбивые планы разбогатевшего отца.

Конечно, он отказывается от своей мечты!

Он готов собственными руками похоронить студента Лесного института. Готов, если нужно, заколотить крышку его гроба.

И не станет носить по нем траура...

Лишь бы только тот, другой, остался жить!

Лишь бы он заговорил с ним, лишь бы поднялся, обвил его шею руками, сказал бы ему: «Успокойся, отец. Я выздоровел».

И плотник наклоняется над кроватью Виктора.

Ну вот и все. Старое дерево рассечено до сердцевины. Сердце Можандра смягчилось.

— Мальчик мой! Я отпущу тебя, ты уедешь. Ты вернешься к ним, ты еще поплаваешь. Я буду счастлив, если хоть изредка буду видеть тебя.

Теперь звонок не звонит уже ни на перемену, ни перед обедом, ни перед началом занятий.

Наступили каникулы, большой коллеж опустел.

Не слышно ничего, кроме плеска фонтана да чириканья воробьев во дворе.

Стук редких экипажей доносится слабо и глухо — на улице сделан настил из соломы.

И вот среди тишины и одиночества ученик Можандр приходит в сознание.

Он поражен, увидев, что лежит в белоснежной постели, под высоким коленкоровым пологом. Вокруг него — покой, полумрак, уединение.

Ему хочется приподняться на подушке, раздвинуть полог, чтобы посмотреть, где он находится, но, хотя он и чувствует себя вполне отдохнувшим, сил у него не хватает, и он ждет.

Он слышит чей-то шепот. Кажется, будто по комнате ходят на цыпочках, слышно знакомое постукивание, словно половая щетка прогуливается по паркету.

Виктор когда-то уже слышал это постукивание.

Где же?

Да на палубе «Прекрасной нивернезки».

Да! Да! Конечно, это тот же самый стук.

И больной, собрав все свои силы, кричит слабым голосом, который кажется ему очень громким:

— Эй! Экипаж! Эй!

Занавеска раздвигается, и в ослепительном солнечном свете он видит перед собою всех близких, чьи имена он так часто называл в бреду.

Всех! Да, всех!

Все собрались здесь: Клара, Можандр, папаша Луво, мамаша Луво, Мимиль, маленькая сестренка и старая ошпаренная цапля — Экипаж, худой, как его багор, молча улыбается ему во весь рот.

И все руки протянуты к нему, и все головы склонились над ним, и сколько поцелуев, сколько улыбок, сердечных рукопожатий, вопросов!..

— Где я? Как вы здесь очутились?

Но предписание доктора — закон.

Седовласый доктор не шутил, отдавая распоряжения, — нужно спрятать руки под одеяло, молчать, не волноваться.

Чтобы не давать мальчику говорить, болтает без умолку Можандр:

— Представь себе, десять дней тому назад, как раз в тот день, когда ты заболел, я зашел к директору поговорить о тебе. Он сказал, что ты делаешь успехи, что ты работаешь как вол... Вообрази, как я был доволен! Я попросил разрешения повидаться с тобой. За тобой послали, и вдруг в кабинет директора вбегают взволнованный наставник. У тебя начался первый приступ горячки. Я бегу в больницу; ты меня не узнал. Глаза у тебя горели, как свечи, и ты бредил. Ах! Бедный мой мальчик! Ты опасно заболел. Я ни на минуту не отходил от тебя. Ты болтал всякую всячину. Говорил о «Прекрасной нивернезке», о Кларе, о новой барже. Всего и не припомнишь! Тогда я вспомнил о письме, о письме Клары! Его нашли у тебя в руках и передали мне. А я совсем о нем позабыл. Вынимаю из кармана, читаю, ударяю себя по лбу и говорю себе: «Можандр! Так нельзя. Нехорошо из — за собственного горя забывать о беде друзей». Пишу им всем, чтобы они приехали к нам. Никакого ответа. И вот, как только тебе стало лучше, я отправляюсь за ними и привожу их к себе домой, и они живут там и будут жить до тех лор, пока мы не устроим их дела. Верно. Луво?

На глазах у всех блестят слезы, и — бог с ним, с седовласым доктором, — обе руки Виктора выскальзывают из-под одеяла, и он обнимает Можандра так, как никогда еще не обнимал: это настоящий поцелуй любящего сына.

Виктора нельзя еще везти домой, поэтому все сходятся вот на чем: Клара останется возле больного — ухаживать за ним и развлекать его.

Мамаша Луво займется хозяйством. Франсуа поручается наблюдение за постройкой дома — плотник начал строить его на главной улице.

Что касается Можандра, то он поедет в Кламси.

Ему нужно повидать там знакомых, которые сплавляют большие партии леса.

Эти люди будут в восторге заполучить такого опытного судовщика, как Луво.

Нет, нет! Без всяких разговоров! Это дело решенное! Это проще простого.

И уж, конечно, Виктор не станет возражать.

Теперь его поднимают с постели и в большом кресле подкатывают к окну.

Он наедине с Кларой в тихой больничной палате.

Он счастлив.

Он благословляет свою болезнь.

Благословляет продажу «Прекрасной нивернезки». Благословляет все продажи и все болезни на свете.

— Помнишь, Клара, как я правил рулем, а ты приходила и садилась около меня с вязаньем?

Клара хорошо это помнит; она опускает глаза, краснеет, и оба смущенно умолкают.

Ведь теперь это уже не тот маленький мальчик в красном берете, что не доставал ногами до палубы, когда садился верхом на румпель.

Да и она, когда приходит утром и, сняв платочек, бросает его на кровать, выглядит уже совсем взрослой девушкой — так округлились ее руки и так стройна ее талия.

— Приходи раньше, Клара, и оставайся как можно дольше.

Так хорошо завтракать и обедать вдвоем у окна, задернутого белой занавеской.

Они вспоминают раннее детство, похлебку, которую ели одной ложкой, сидя на кровати.

Ах, эти воспоминания детства!

Они, как птицы, порхают по школьному лазарету. Они вьют себе гнезда в каждой складке занавесок, — ведь каждое утро появляются все новые воспоминания и каждое утро все начинается сызнова.

Право, слушая эти разговоры о минувшем, можно подумать, что это восьмидесятилетние старик и старуха, для которых ничего не существует, кроме далекого прошлого.

Разве нет будущего, которое тоже может оказаться прекрасным?

О! Конечно, есть и будущее, и они часто думают о нем, но никогда не говорят.

Впрочем, чтобы разговаривать, вовсе не обязательно произносить

слова. Особая манера брать друг друга за руку и заливаться румянцем по каждому поводу гораздо красноречивее всяких слов.

Виктор и Клара целыми днями разговаривают на этом языке.

Именно поэтому они часто бывают молчаливы.

Поэтому-то и дни летят с такой быстротой и месяц проходит так незаметно, что его и не видишь.

Поэтому-то и доктор вынужден в один прекрасный день, взъерошив седины, выпустить больного из лазарета.

Как раз к этому времени возвращается из поездки Можандр-отец.

Дома он застаёт всех в сборе. И когда бедняга Луво взволнованно спрашивает его:

— Ну как? Берут они меня к себе?..

Можандр не может удержаться от смеха.

— Берут ли они тебя, старина? Да ведь им как раз нужен хозяин для нового судна, — они еще благодарили меня, это для них как подарок.

Кто это «они»?

Но папаша Луво так счастлив, что ни о чем больше не спрашивает.

И, без долгих сборов, они все вместе отправляются в Кламси.

Какая радость ожидает их, когда они подходят к берегу канала!

У пристани, снизу доверху разукрашенная флагами, великолепная новая баржа поднимает среди зелени свою отполированную мачту.

На нее наводят последний лоск. А корма, на которой написано название судна, еще накрыта серым холстом.

У всех вырывается крик:

— Ах, какая красавица!

Луво не верит своим глазам.

— Чересчур красива! Я не решусь управлять такой баржей. Она сделана не для того, чтобы на ней плавать. Ее надо бы под стеклянный колпак.

Можандру пришлось втолкнуть его на мостик, откуда Экипаж подавал им знаки.

Как?!

И Экипаж преображен?

Преображен, починен, заново проконопачен.

Даже багор и деревянная нога у него совсем новые. Это любезность хозяина, человека, видимо, сведущего и предусмотрительного.

Нет, вы посмотрите!

Палуба начищена, сделаны перила! Есть и скамейка, где можно

посидеть, и навес, где можно укрыться от непогоды.

Трюм может вместить двойной груз.

А каюта!.. Ах, какая каюта!

— Три комнаты!

— Кухня!

— Зеркала!

Луво увлекает Можандра на палубу.

Он растроган, от нервного возбуждений весь трясется, так же как и серьги у него в ушах.

Заикаясь, он говорит:

— Можандр, старина..

— Что случилось?

— Ты забыл только одно...

— Что же именно?

— Ты не сказал мне, у кого я буду плавать.

— Тебе так хочется знать?

— А как же, черт возьми!

— Ну ладно! У себя самого.

— Как так?.. Значит... баржа...

— Твоя!

Нет, что же это такое, дети мои!

Такой удар в самое сердце!

По счастью, хозяин — человек предусмотрительный — догадался поставить скамейку на палубе.

Луво рухнул на нее как подкошенный.

Это невозможно... Такого подарка он не примет.

Но у Можандра на все готов ответ:

— Пустяки! Ты забываешь о наших старых счетах, о тех деньгах, что ты истратил на Виктора! Не беспокойся, Франсуа, я еще в долгу перед тобою.

И старые приятели обнялись, как братья, — на этот раз со слезами.

Да, конечно, Можандр все обдумал и все устроил так, чтобы сюрприз был полным, и, пока они обнимаются на палубе, из леса выходит священник, ветер надувает хоругвь, впереди — музыканты.

Это еще что?

Ну как же! Освящение баржи.

Торжественная процессия жителей Кламси явилась для участия в празднестве.

Хоругвь развевается по ветру.

Музыка гремит.

Дзинь-бум-бум...

Лица у всех веселые.

И над всем этим — чудесное летнее солнце, в лучах которого сверкает серебряный крест и пламенеют медные трубы музыкантов.

Какой чудесный праздник!

Вот убрали холст, скрывавший ахтерштевень, и на лазоревом фоне засияло красивыми золотыми буквами название баржи:

VI. НОВАЯ НИВЕРНЕЗКА

Ура «Новой нивернезке»! Пусть жизнь ее будет столь же долгой, как и у ее предшественницы, а старость более счастливой!

К барже подходит кюре.

Певчие и музыканты выстраиваются в ряд позади него.

За ними реет хоругвь.

— *Benedicat Deus...* ^[4]

Крестный отец — Виктор: крестная мать — Клара.

Кюре ставит их впереди, у самого края набережной, рядом с собой.

Робкие и трепещущие, они стоят, держась за руки.

Сбиваясь, невпопад лепечут они слова, которые подсказывает им маленький певчий, а кюре окропляет их святой водой.

— *Benedicat Deus...*

Разве не похожи они на жениха и невесту?

Такая мысль приходит в голову всем присутствующим.

Может быть, она приходит в голову даже им самим, так как они не решаются взглянуть друг на друга и, по мере того, как церемония близится к концу, все больше и больше смущаются.

Вот и конец.

Толпа расходится. «Новая нивернезка» освящена.

Нельзя отпустить музыкантов, не угостив их.

И пока Луво наливает музыкантам по стаканчику, Можандр, подмигнув мамаше Луво и взяв кума и куму за руки, обращается к кюре:

— Вот и крестины справили, господин кюре. Ну, а когда же свадьба?

Виктор и Клара становятся краснее мака.

Мимиль и маленькая сестренка хлопают в ладоши.

Папаша Луво, взволнованный всеобщим одобрением, наклоняется над плечом дочери.

Судовщик весело, во весь рот улыбается и, заранее смеясь своей шутке, говорит:

— Послушай, Клара! По-моему, сейчас самый подходящий момент... Не отвести ли нам Виктора к полицейскому комиссару?..

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Нивернезка-жительница Ниверне, округа города Невера.

Пуэн-дю-Жур находится на западной окраине Парижа; набережная Берси — на восточной.

Тампль — квартал на северо-востоке Парижа.

4

Благослови, господи... (лат.)